
18+
ЗОРИН ЯРОМИР
СИНДРОМ БОЖЕСТВА

Яромир Зорин

Синдром божества

«Издательские решения»

Зорин Я.

Синдром божества / Я. Зорин — «Издательские решения»,

В медицинской карте двадцатилетней Ленор записано самое страшное преступление года: хладнокровное убийство собственной семьи. Для врачей психиатрической клиники «Святой Иаков» она — неизлечимая пациентка с тяжелой формой параноидной шизофрении. Для прессы — монстр.Но сама Ленор помнит всё иначе. В тот роковой вечер в их дом вошел Небесный Гость. Он даровал ей абсолютное просветление и знание тайн Вселенной, а взамен забрал жизни ее близких.

© Зорин Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Вкус белых стен 6
часть 1 7
Глава 1. Арифметика пустоты 8
Глава 2. Таблетки под языком 11
Глава 3. Геометрия мертвых комнат 13
Глава 4. Доктор Штерн и печать архива 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Синдром божества

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0071-7061-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Вкус белых стен

Запах хлорки и кипяченого молока въелся в кожу так глубоко, что Ленор уже не помнила, каково это — пахнуть иначе. Наверное, ветром, пылью с отцовских книг или остывшим чаем. Но сейчас её вселенная ограничивалась четырьмя углами палаты №412, выкрашенными в безжалостный, слепящий больничный белый цвет.

На часах в сестринском посту за тяжелым матовым стеклом — три часа ночи. Час, когда мир погружается в сон, а серотонин в её крови падает до ледяного нуля.

Ленор сидела на полу, прижавшись спиной к батарее. Металл холодил позвоночник, но это оцепенение помогало не раствориться в темноте. Внутривенный катетер на сгибе левого локтя ныл тупой, пульсирующей болью — след утренней капельницы. Галоперидол делал своё дело: мысли текли медленно, густо, словно замерзающий мазут, а пальцы дрожали мелкой, неукротимой дрожью.

«Параноидная шизофрения, тяжелое течение, сценарные галлюцинации религиозного характера».

Она знала эту фразу наизусть. Доктор Штерн произносил её каждый раз с одинаковой академической скукой, разглядывая Ленор поверх очков в роговой оправе, будто редкого, но испорченного паразита. Врачи клиники «Святой Иаков» были уверены: в ту ночь испуганная девушка схватила кухонный нож под воздействием острого психоза.

Для всего мира она была монстром. Убийцей матери, отца и младшего брата. Девушкой с первых полос газет, чье лицо замазывали черными квадратами.

Но Ленор закрывала глаза — и белые стены палаты исчезали.

Вместо них проступал тот вечер. Тяжелые сумерки, заглядывающие в оконное стекло гостиной. Запах озона, внезапно заполнивший комнату, хотя за окном не было и намека на грозу. И Он.

Небесный Гость не отбрасывал тени. Его присутствие не пугало — оно сжигало изнутри, наполняя голову кристальной, невыносимой ясностью. В те секунды

Ленор постигла устройство галактик, формулу боли и тишину абсолюта. Он открыл ей двери во все тайны мироздания, коснувшись её лба холодными, нечеловеческими пальцами. А когда свет рассеялся, на полу остались лишь холодные тела тех, кого она любила больше жизни, и пустота, которую не могла заполнить ни одна больница мира.

— Ты не сошла с ума, Ленор, — шепнула она сама себе пересохшими губами. Голос прозвучал хрипло и чужой.

Она прижала ладони к вискам. Таблетки глушили голос Небесного Гостя, замазывали память толстым слоем фармацевтического ватина, но до конца стереть его не могли. Где-то там, на самом дне искорёженного сознания, в запертых подвалах рассудка, оставалась та самая дверь.

Чтобы вернуть правду, ей придется пройти через ад. Через собственное безумие, вылепленное врачами, через крики фантомов и липкий страх одиночества.

Ленор закрыла глаза и шагнула в темноту затылка. Охота за Богом, задолжавшим ей ответы, только начиналась.

часть 1

Глава 1. Арифметика пустоты

Утро в психиатрической клинике «Святой Иаков» начиналось не с рассвета, а с лязга металлической тележки.

Звук катился по линолеуму коридора, как тяжелое чугунное ядро, отскакивая от кафельных стен. *Дзинь-дзинь* — стеклянные стаканчики для таблеток. *Шурх-шурх* — резиновые подошвы старшей медсестры Марты. Ленор знала этот ритм лучше собственного пульса. Ровно тридцать секунд до того, как щелкнет замок в её двери.

Она заставила себя разжать кулаки. Пальцы сводило судорогой — верный признак того, что ночная доза галоперидола еще не выветрилась из крови. Язык казался чужим, распухшим, словно во рту ворочался кусок сырой ваты, а мышцы шеи тянуло вверх с тупой, навязчивой силой. Доктор Штерн называл это экстрапирамидным расстройством. Он вообще любил длинные, красивые слова. Ими было удобно заклеивать дыры в реальности, как лейкопластырем.

Щелк.

Дверь палаты №412 распахнулась бесшумно, если не считать короткого вздоха доводчика. Первым вошел санитар — огромный, молчаливый парень с шеей, похожей на пожарный гидрант. За ним, поправляя манжеты белоснежного халата, шагнул сам Артур Штерн.

От врача пахло дорогим табаком и мятными леденцами. В его серых, чуть выцветших глазах не было ни злости, ни жалости — только холодное, почти энтомологическое любопытство.

— Доброе утро, Ленор, — голос Штерна звучал ровно, как метроном. — Как спалось? Без гостей?

Он сел на единственный в палате пластиковый стул, закинув ногу на ногу. В руках он держал папку с её историей болезни — толстую, перечеркнутую красной полосой по диагонали. *«Опасна для себя и окружающих». *

— Здесь нет окон, которые можно открыть, доктор, — Ленор с трудом вытолкнула слова из пересохшего горла; каждая согласная царапала нёбо. — И двери запираются снаружи. Сюда никто не заходит, кроме вас.

— Речь не о дверях, — Штерн чуть наклонил голову, отчего свет потолочной лампы бликнул на стеклах его очков. — Вчера вечером дежурные слышали, как вы шептались в углу. Вы снова видели свет?

Ленор отвела взгляд к стене. Там, прямо над плинтусом, штукатурка вздулась от сырости, образуя пятно, похожее на сложенное крыло птицы. Если смотреть на него достаточно долго, начинало казаться, что оно дышит.

— Я не шепталась. Я вспоминала, — тихо ответила она. — Вы забрали мои часы, доктор. Вы забрали мои книги. Но вы не можете забрать то, что я видела.

Штерн тяжело вздохнул, раскрыл папку и перелистнул несколько страниц. Бумага зашуршала громко, вызывающе.

— В отчете криминалистов указано, что на рукояти кухонного ножа марки «Золинген» обнаружены только ваши отпечатки пальцев, Ленор. На вашей ночной сорочке — кровь трех групп: вашего отца, вашей матери и двенадцатилетнего Тоби. Следов взлома нет. Камеры наружного наблюдения соседнего дома фиксировали крыльцо вашего коттеджа с восьми вечера до приезда полиции в два ночи. Никто не входил. Никто не выходил.

Слова падали, как камни в колодец. Тяжелые, неопровержимые, отточенные десятками судебных заседаний, на которые Штерна вызывали в качестве главного эксперта.

Ленор закрыла глаза. В темноте под веками немедленно вспыхнуло синее, нестерпимо яркое пятно. Запах озона. И голос — не звучащий в ушах, а вибрирующий прямо в костях

черепа: *«Смотри. Вся вселенная — это лишь уравнение, где переменная боли равна константе». *

— Он не пользовался дверью, — прошептала Ленор, чувствуя, как к горлу подкатывает ледяная тошнота. — Он вошел сквозь воздух. Вы бы не увидели его на камерах. Камеры фиксируют только свет, который отражается от материи. А он сам был светом.

Доктор Штерн помолчал. Потом достал из нагрудного кармана серебряную ручку и сделал короткую пометку на полях карты.

— Стойкая бредовая система с элементами мессианского комплекса, — произнес он вслух, словно диктуя невидимому стенографисту. — Глубокая диссоциация. Защитный механизм психики, не способной принять факт чудовищного насилия, совершенного собственными руками.

Он захлопнул папку и посмотрел на Ленор в упор.

— Послушайте меня внимательно, девочка. Вы умны. Вы учились на втором курсе физического факультета, вы умеете работать с фактами. Пока вы цепляетесь за сказку о «Небесном Госте», мы будем вынуждены держать вас на максимальной дозировке галоперидола и аминазина. Ваш мозг сейчас кипит, Ленор. Наша задача — остудить его. Но как только вы скажете: «Да, это сделала я», — мы начнем снижать дозу. Вы снова сможете читать. Сможете выходить в сад.

В палате повисла вязкая тишина, нарушаемая только гудением лампы дневного света под потолком.

Ленор смотрела на гладкое, выбритое лицо врача — и вдруг замерла. Её взгляд зацепился за деталь, которая не вписывалась в стройную, железную логику отчета криминалистов.

— Доктор, — медленно произнесла она, чувствуя, как сердце пропускает удар. — Вы сказали, что на моей сорочке была кровь отца, матери и Тоби.

— Верно, — кивнул Штерн. — Экспертиза ДНК подтвердила это на сто процентов.

— Мой отец с детства страдал гемофилией, доктор. Любой глубокий порез для него означал бы лужи крови по всему первому этажу. — Ленор подняла голову, и в её расширенных от лекарств зрачках мелькнул холодный, острый блеск. — Когда меня выводили из дома в наручниках, на моей сорочке не было ни единого пятна. Только пепел. Откуда взялась кровь в отчете?

На долю секунды лицо Артура Штерна дрогнуло. Его пальцы сильнее сжали папку, побелев в костяшках, но он тут же вернул себе маску профессионального спокойствия.

— Память в состоянии острого психоза способна стирать самые травмирующие детали, Ленор, — ровно ответил он, поднимаясь со стула. — Вы просто не хотите видеть кровь. Марта, утренний прием.

В палату шагнула медсестра с пластиковым стаканчиком в руке. Внутри лежали две белые таблетки и одна желтая капсула.

Ленор посмотрела на лекарства, затем на закрывающуюся за Штерном дверь. Врач солгал. Или кто-то подменил протоколы осмотра задолго до того, как она оказалась в «Святом Иакове». Продолжать спорить с ними в открытую означало навсегда остаться в химическом тумане, где мысли вязнут, как мухи в янтаре.

Чтобы спуститься на дно собственной памяти и найти там Небесного Гостя, ей нужен был чистый разум.

Ленор взяла стаканчик, послушно положила таблетки на язык и запила водой, стараясь не глотать. Когда медсестра отвернулась, чтобы запереть дверь, девушка спрятала горькие крупицы под язык.

Она сыграет в их игру. Она признает себя монстром — ровно настолько, насколько это потребуется, чтобы открыть дверь в лабиринт.

Глава 2. Таблетки под языком

Горечь растворялась под языком медленно, отравляя слюну едким химическим привкусом. Ленор сглотнула фальшивую слюну, стараясь не поморщиться, и широко открыла рот, демонстрируя медсестре пустой пластиковый стаканчик.

— Молодец, Ленор, — одобрительно кивнула Марта. — Видишь? Когда ты не упрямишься, всем становится легче.

Тяжелая дверь захлопнулась, щелкнул замок. Семь минут. У неё есть ровно семь минут до того момента, как санитар сделает обход с проверкой через узкое смотровое окошко в двери. Ленор бросилась к раковине, выплюнула на ладонь белые таблетки и желтую капсулу, еще не успевшие полностью раствориться, и смыла их мощным потоком воды.

Сердце колотилось где-то в горле. Лоб покрылся холодной испариной. Впервые за три долгих месяца её мозг не был залит химическим цементом.

Она опустилась на жесткую койку, подогнула под себя колени и прижалась лбом к холодной стене. Тишина в палате звенела. Снаружи, за толстым стеклом зарешеченного окна, доносился глухой шум ночного города, но здесь, внутри выбеленной коробки, время словно застыло.

Нужно было заставить мозг вспомнить то, что блокировали нейролептики. Не события того рокового вечера — к ним подходить было ещё рано, как к торчащему из груди лезвию, — а саму механику памяти. Как физику, ей было знакомо понятие «фазового перехода». Вода превращается в лед, металл теряет упругость при критической температуре. Безумие, в которое её заперли врачи, тоже было всего лишь состоянием системы.

Ленор закрыла глаза.

Сначала была привычная темнота под веками — глухая, плотная, пахнущая лекарствами. Но стоило ей сделать глубокий вдох и мысленно оттолкнуться от навязчивого стука собственного пульса, как в этой темноте что-то дрогнуло.

Словкто треснуло толстое стекло аквариума.

Образы хлынули не извне, а изнутри черепной коробки — резкие, выжженные ярким светом. Ленор увидела не свой дом, а длинный, уходящий под наклоном коридор. Стены его были выложены не кафелем «Святого Иакова», а старыми книжными страницами, пожелтевшими от времени и исписанными папиным убористым почерком.

*«Переменная боли равна константе», * — пронеслось в тишине эхо голоса Небесного Гостя.

Коридор уходил вниз, в полумрак. Под ногами вместо линолеума хрустело битое стекло — осколки тех самых зеркал, которые она разбила в детской, когда испугалась грозы. Но в отражениях осколков виднелись не её испуганные глаза, а пустое, сияющее белизной пространство, в котором не было ни верха, ни низа.

— Ты слишком спешишь, Ленор, — раздался тихий, шелестящий голос откуда-то из глубины ментального лабиринта.

Она резко распахнула глаза. Палата №412 встретила её всё тем же тусклым светом потолочной лампы. На секунду ей показалось, что у края койки стояла высокая человеческая фигура, сотканная из слепящих лучей и запаха озона, но воздух был чист. Только в углу палаты краска на стене потрескалась чуть сильнее, образовав знакомый силуэт сломанного крыла.

В замочной скважине звякнул ключ. Санитар проверял обход.

Ленор мгновенно уткнулась лицом в подушку, изображая глубокий медикаментозный сон, и ровно задыхалась. Тяжелое дыхание за дверью затихло, а затем шаги удалились по коридору.

Она была права. Мозг просыпался. И доктор Штерн даже не представлял, какую дверь он только что приоткрыл.

Глава 3. Геометрия мертвых комнат

Следующие три дня Ленор превратилась в идеальную пациентку.

Она научилась имитировать тупую, заторможенную походку, свойственную людям на высоких дозах галоперидола, и научилась прятать капсулы в полом шве матраса ровно за четыре секунды. На утренних обходах она смотрела в пол, отвечала односложно и на четвертый день, когда доктор Штерн в очередной раз заговорил о «тяжести совершенного», тихо произнесла:

— Мне снится кровь, доктор. Наверное, вы были правы. Я просто не могла это вынести.

Штерн замер, сжимая серебряную ручку. В его серых глазах впервые за все месяцы мелькнуло не торжество, а странное, тяжелое облегчение. В тот же вечер дозировку снизили вдвое, а в палату вернули старый блокнот и карандаш без металлического наконечника.

Именно этой ночью Ленор шагнула в лабиринт по-настоящему.

Она села на пол, прислонившись к холодной батарее, закрыла глаза и позволила темноте поглотить звук капающей из крана воды. Без фармацевтического барьера сознание разворачивалось стремительно и пугающе четко.

Коридор из книжных страниц встретил её запахом старой бумаги и влажного осеннего леса. Теперь он не уходил вниз под опасным наклоном, а разветвлялся на десятки узких проходов, каждый из которых заканчивался знакомой дубовой дверью. Дверью их загородного дома.

Ленор толкнула первую из них.

Она оказалась в столовой. Над круглым столом висел низкий абажур, заливая пространство теплым янтарным светом. За столом сидел отец. Он был одет в свой любимый вельветовый пиджак с потертыми локтями и внимательно изучал исписанный формулами лист бумаги.

— Папа?.. — голос Ленор дрогнул, эхом отразившись от невидимых стен.

Отец поднял голову. Его лицо было спокойным, но там, где должны были находиться глаза, зияли два ровных, матово-черных круга — словно кто-то вырезал их ножницами из фотографии.

— Ты опоздала к ужину, Ленор, — произнес он ровно, и в его голосе не было ни упрека, ни тепла. — Уравнение не сходится. Если энергия не исчезает бесследно, куда делась наша масса?

— Я не знаю, — она сделала шаг вперед, чувствуя, как под ногами вместо паркета хрустит сухой пепел. — Я пытаюсь вспомнить, что произошло. Кто это сделал.

Из соседней двери, ведущей на кухню, вышла мать. В руках она держала поднос, на котором вместо чашек стояли пустые стеклянные колбы из физического кабинета Ленор. На её белом фартуке не было ни капли крови — только серая, похожая на иней пыль.

— Не ищи убийцу в коридорах, дорогая, — мягко сказала мать, поворачивая к ней лицо с такими же пустыми черными провалами вместо глаз. — В этой комнате никогда не было ножа. Нож принесли позже, чтобы людям было проще объяснить тишину.

— Кто принес? — крикнула Ленор, чувствуя, как стены столовой начинают сжиматься, превращаясь в узкую белую коробку палаты. — Зачем?!

Ответа не последовало. Из-под стола выкатился маленький красный мячик, за ним выбежал двенадцатилетний Тоби. Мальчик остановился в двух шагах от сестры. В отличие от родителей, его глаза были на месте — яркие, неестественно голубые, светящиеся изнутри тем самым холодным озоновым сиянием, которое Ленор видела в ту роковую ночь.

Тоби поднял руку и коснулся указательным пальцем её лба.

— Он не забирал наши жизни, Ленор, — прошептал брат чужим, гулким голосом, от которого задрожали стекла в буфете. — Мы сами были ценой за твой вопрос. Спроси у Штерна,

что он прячет в сейфе под четвертым этажом. Спроси, зачем он подписал акт о нашей смерти за два часа до того, как приехала полиция.

Вспышка белого света ударила в глаза, вышвыривая её обратно в реальность.

Ленор судорожно вдохнула, ударившись затылком о чугунную батарею. По щекам текли горячие слезы, а ладони были сбиты в кровь о бетонный пол.

В тишине палаты №412 отчетливо пахло озоном. И теперь она знала точно: её семья погибла не от рук безумной дочери. Их принесли в жертву задолго до приезда патрульных машин — и лечащий врач клиники «Святой Иаков» был одним из тех, кто держал свечу.

Глава 4. Доктор Штерн и печать архива

Утром палата №412 казалась серой и плоской, как высушенный лист гербария. Вкуса озона больше не было — только въевшийся в стены запах дезинфекции, казенного хлора и кислого больничного супа, который привезла на тележке немая сиделка.

Ленор не спалось. Обрывки ночного видения крутились в голове назойливой лентой, врезаясь в мозг осколками чужих истин. «Спроси у Штерна, что он прячет в сейфе под четвертым этажом…»

Психиатрическая клиника «Святой Иаков» строилась в начале века как лепрозорий, а позже была переоборудована под секретный институт психохирургии. Пространство старого здания жило по своим законам: здесь были замурованные крылья, коридоры без выхода и служебные подвалы, о которых санитары старались не говорить вслух. Четвертый этаж — административный блок, куда пациентов пускали только под конвоем для электросонной терапии или долгих, изнуряющих бесед с главным врачом.

В девять утра начался обход.

Доктор Штерн выглядел иначе. В его взгляде пропала та привычная, академическая усталость, с которой он месяцами наблюдал за «потерянной» пациенткой. Теперь в его движениях сквозила странная, почти хищная собранность. Он остановился у решетки двери, медленно перелистывая медицинскую карту Ленор.

— Вы неплохо выглядите сегодня, Ленор, — произнес он, не поднимая глаз. — Голос разума возвращается к вам. Это радует. Снижение дозировки пошло на пользу.

Ленор сидела на краешке железной койки, аккуратно заправив под себя руки. Она заставила дыхание оставаться ровным, а глаза — смотреть на его начищенные до блеска ботинки.

— Мне всё еще снятся странные сдвиги, доктор, — тихо проговорила она, копируя покорность идеальной пациентки. — Как будто формулы выходят из-под контроля. Словно… кто-то переписал условия задачи до того, как мы успели подставить значения.

Штерн резко замер. Металлический край папки с хрустом согнулся под его пальцами. Он поднял взгляд — тяжелый, проницательный, изучающий каждый миллиметр её лица, пытаясь разглядеть за маской кротости ту прежнюю Ленор, которая громила лаборатории и требовала ответов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.